Потык (+бой Алеши Поповича с татарами и игра его с королем)

Да во том же во городи во Киеви
Да у ласкова князя да у Владимера
Заводилосе пированьё, почесьён пир,
Да про многих князей да многих бояров,
Да про сильних-могущих про богатырей,
Да про тех палениц было преудалыя,
Да про тех же купцей-гостей торговые,
Да про тех же прожитосних хрысьянушок,
Да про тех же про вдов благочестивыя.
Ище долог день-от идёт ко вечору,
Красно солнышко катилосе ко западу,
Да ко западу катилосе — ко закату;
Да весёл-от пир шол навесели.
Все на пиру дак напивалисе,
Все на чесном было наедалисе.
Да сидит три удалых да добрых молоцца —
Да не пьют, не едят, они не кушают,
Белой лебёдушки не рушают:
Да сидят они, промеж собой думу думают.
Да спроговорит Владимер стольне-ки[е]вьской:
«Уж вы ой еси, удалы да добры молоццы!
Що же не пьете́, не едите́, да вы не кушаете,
Моей беленькой лебёдушки не рушаете?
Да обнёс ле вас тут чарой да зелёным вином?
Да из мла́дых над вами надсмеялса хто?»
Да ставают удалы да на резвы ноги,
Понижешенько ему да поклоняюцьсе:
«Уж ты ой еси, Владимер стольне-киевской!
Не обнёс ты нас чарой да зелёным вином,
Да из мла́дых тут над нами не смеялисе.
Дай ты, Владимер, да бласловленьицё:
Мы хотим тут-то ехати во чисто полё
Да во то где роздольицо во широкоё!»

Да спроговорит тут Потык да сын Ивановиц:
«Уж ты ой еси, Владимёр стольне-киевской!
Дай ты мне тепере да бласловленьицо:
Я хоцю тут ноне да я женитисе!»
Да спроговорит Владимер да стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, ты Потык да сын Ивановиц!
Да бери ты, у кого да тебе надобно:
Хошь у князя, хошь ведь ты да у боярина,
Хошь у руського могущого богатыря,
Хошь у тех палениц да преудалых же,
У тех у купцей-гостей торговых же,
Дак у тех у прожитосних у хрисьянушок,
Хошь у тех же у вдов благочестивых же!»
Да спроговорит тут Потык да сын Ивановиц:
«Есь у мня невеста да боґосужона
У того короля дак у заморьского,
Есь-то тут Марья да Копейщина!»
Да спроговорыт Владимёр да стольне-ки[е]вской:
«Уж ты ой еси, ты Потык сын Ивановиц!
Она не будёт тут тебе, она не будёт жена —
Она будёт тут тебе она подпазушна змея!»
Тому слову тут Потык да не ослышилсэ.
Да ставали удалы да на резвы ноги,
Понижешенько ли они дак поклонялисе,
Да пошли тут они дак из застолья вон:
Крест тут клали да по-писаному
Да поклоны вели да по-уцёному,
Благодарность приносили да за почесьён пир,
Да пошли бы удалы да из светлой грыни.
Выходили они дак на конюшин двор,
Брали своих да коней добрых же
Да седлали-уздали да коней добрых-то,
Да застегивали двенаццэть да подпруг шолковых
(Шпёнечки у их да были все булатныя!),
Да тринаццату тянули да церез сте́пну
Да конну сбрую да богатырскую —
Да не ради басы, дак ради крепости,
Ради укрепы да молодецкое:
Не оставили бы их кони дак во чистом поли.

Да поехали робятушка во чисто полё.
Да пошли тут поезку да богатырьску смотреть —
Да не видели, в котору они стороночку поехали,
Тольки видят: во чистом поли курёва стоит,
Курёва где стоит, дак дым столбом валит.
Выехали они дак во чисто полё,
Приежджают к тому кресту к Лёванидову —
Тут-то они дак остоéлисе.
Говорыл-де Добрыня таково слово:
«Уж вы ой еси, братея названая!
Я поеду, Добрыня, тут я к Дюку ко Стёпановичу,
Я поеду у Дюка тут именьё смотреть!»
Говорил-де Олёша таково слово:
«Я поеду тут, братея, во чисто полё;
Да проехало тут на полё три тотарина —
Я срублю тут у их да буйну голову,
Ограблю у их дак золоту казну,
Розделю ету казну дак на трёх на всех!»
Говорил-де тут Потык таково слово:
«Я поеду, братья, да за синё морё
Ко тому королю да ко заморьскому —
Да возьму тут-то Марью да я Копейщину,
Да возьму тут ею дак за себя взамуж!»
Все тут робятушка разъехались
По своим тут-то они да по дорожечкам.
Приежджаёт тут Потык да ко тому королю да ко заморскому,
Приежджаёт тут к ёму да ко красну крыльцю —
Не привязывал коня дак не прыказывал,
Да соскакивал тут Потык с добра коня.
Да пошол бы тут Потык на красно крыльцё.
Да идёт-де тут Потык по красну крыльцю —
Да ступень до ступеня да догибаицьсе,
Да красно-де крыльцё оно шатаицьсе.
Да ступил-де тут Потык на новы сени —
Да новы-ти сени да сколыбалисе.
Да ступил-де тут Потык да во светлу грыню —
Да светла-де грыня да потряхаицьсе.
Да зашол-де тут Потык да во светлу грыню —
Крест тут клал да по-писаному

Да поклоны-ти вёл да по-учёному:
«Здрастуй, король дак ты заморской же!» —
«Приходи-тко ты, Потык да сын Иванович!
Ты прышол, ты приехал ко мне по-старому,
Да по-старому приехал ты, по-прежному?
Да во слуги ты приехал ко мне во верныя,
Да во верны-ти слуги да неизменныя?..»
Говорил-де тут Потык таково слово:
«Уж ты ой еси, батюшка ты король дак заморьской же!
Я пришол ведь к тибе да не по-старому,
Не по-старому пришол, дак не по-прежному!
Я не в слуги тут к тебе пришол в верныя,
Да во верны во слуги да неизменныя —
Я приехал тут о добром дели́, о сватосви:
Есь у тя Марья да тут Копейщина,
Я сам-от, Потык, — я сам жених.
Не дашь ле ею да ты в замужесьво,
Не дашь-де добром — дак возьму силою!»
Говорил-де тут король дак таково слово:
«Уж вы ой еси, мои да думны все боя́рины!
Вы берите-ко Потыка за белы руки,
Да ведите-ко его даг на новы сени,
Да срубите тут у его да буйну голову!»
Да ставали бояра да на резвы ноги,
Стали тут прымацьсе тут за Потыка.
Да хватил тут-то Потык боярина-та за ноги,
Начал боярином помахивать —
Сам-от король да убираицьсе за пецьку да за кирьписьню же.
Говорил-де король да таково слово:
«Уж ты ой еси, ты Потык да сын Ивановиц!
Да оставь мне боярина на семяна,
Да на се́мина боярина — на плод людей!»
Дак пошол же тут Потык да из светлой грыни;
Да заходит он во горницу столовую
Да ко той же ко Марьюшки Копейщины —
Крест-от кладёт да по-писаному
Да поклоны ведёт да по-уцёному:
«Уж ты здрастуй-ко, Марьюшка Копейщина!»
Говорила тут-то Марья таково слово:

«Приходи-ко ты ле, Потык да сын Ивановиц!
Ты приехал тут к нам да ты по-старому,
Да по-старому ле ведь ты да по-прежному?
Да во слуги ты приехал к нам во верны же,
Да во верны-ти слуги неизменныя?»
Говорил же тут Потык таково слово:
«Уж ты ой еси, ты Марьюшка Копейщина!
Я приехал тут тепереце не по-старому,
Не по-старому приехал, не по-прежному —
Я приехал тут о добром дели, о сватосви:
Да не йдёшь ли за меня дак ты в замужесво?
Дак не йдёшь-де добром — дак возьму силою!»
Тому слову тут Марьюшка не ослышилась:
Стала бы она дак снарежатисе,
Поскорешенько она дак сподоблятисе.
Да средиласе она, дак сподобиласе.
Да пошли бы тут они дак ведь из горьници столовое.
Да заходит она дак во светлу грыню —
Говорыла бы она да таково слово:
«Уж ты ой еси, ты батюшко, ты родитель мой!
Ты умел тут меня тут споить-скормить —
Не умел ты взамуж меня повыдати!»
Да пошли же тут да из светлой грыни,
Выходили тут они было на улицу,
Да садились тут они дак на добра коня:
Ище Потык тут сел даг наперёд же он,
Посадил бы ею дак тут назад за себя,
Поехали бы они дак во чисто полё.
Ехали они дак о синё море —
Загорелса тут, увидели, цяст ракитов куст;
Бегат у куста да змея лютая.
Говорыла бы она да таково слово:
«Уж ты ой еси, ты Потык да сын Иванович!
Да слезай-ко ты, Потык, да ты с добра коня,
Зачерпни-ко ты, Потык, да ключевой воды
Да залей-ко-се ты да час‹т› ракитов кус‹т›:
В этом кусту у мня было дак тёпло гнездышко,
Есть во кусту дак дети малыя —
Я на нужно тут время да прыгожусь тебе!»

Говорыла тут ёму Марья-та Копейщина:
«Не слезай-ко-се, Потык, да ты с добра коня,
Да не черпай воды дак ты холодное,
Не заливай тут у ей дак цяст рокитов кус‹т›:
‹О›на где тут тебя да тут омманёт же!»
Тому слову Потык да не послушал ей;
Да слезал тут Потык да с добра коня,
Да зацерпывал воды дак он холодной же,
Да за́лил тут Потык да цяст рокитов куст —
Сохранил у змеи дак тёпло гнездышко.
Да садилсэ тут Потык на добра коня,
Да поехали да они дак тут обратно да в стольне Киев-град.
Да сустыгла тут их дак вот темна́я ночь —
Розоставил тут Потык дак свой-от бел шатёр,
Да легли они с Марьюшкой во бел шатёр.
Марья была она волшебница:
Овёрнула бы его дак ясным соколом.
Пролетал бы тут Потык да всю-ту ночь тут он,
Всю ночь тут он дак до свету было белого —
Отвёрнула бы она ёго назад тут ведь.
Собирал тут Потык да свой-от бел шатёр,
Садились бы они дак на добра коня,
Да опеть же они вперёд поехали.
Ище ехали тут долог день до вечора —
Забрала тут их и было темна́я нощь.
Розоставил тут Потык да свой-от бел шатёр,
Стали они с Марьюшкой опочовать они.
Овёрнула бы она его серым волком —
Пробегал он, Потык, всю ночь же ведь,
Да всю ночь проскакал дак он до свету.
Прыбегаёт тут он было к белу шатру —
Отвёрнула бы она его назадь же ведь.
Собирал бы тут Потык свой-от бел шатёр.
Да садились они дак на добра коня
Да поехали обратно да тут-то в Киев-град.
Ехали они долог день до вечора —
Да сустугла их ноне да была третья ночь.
Розоставил бы Потык ли бел шатёр,
Да легли бы тут с Марюшко[й] поцёвать они.

Овёрнула бы она ёго маленьким горносталюшком —
Поскакал тут маленьким горносталюшком,
Проскакал бы всю ночь тут он до свету.
Копал-де тут матушку сыру землю —
Розвережа́л он свою да буйну голову.
Прибегал ко своёму к белу шатру —
Отвёрнула бы она ёго назад же ведь.
Собирали тут они да тут-то бел шатёр,
Да садились они дак на добра коня,
Да поехали они дак в стольне Киёв-град.
Приежджают тут они да ко тому кресту да Леванидову —
Все они, робятушка, вместях съехались:
Да Добрынюшка приехал тут от Дюка от Степановича,
Да Олёшенька приехал тут из чиста поля —
Да убил-де Олёшенька три было тотарина,
О́брал у их дак золоту казну,
Обрал он у их да тринаццать тысеч же,
Розделил ету казну на всех на трёх же он.
Забрала тут ведь их тут темная нощь —
Розоставили они свои белы шатры.
Говорил-де Добрыня таково слово:
«Уж ты ой еси, ты Потык сын Иванович!
Ты ложись-ко, ты Потык, в мой-от бел шатёр —
Ле́гу я с Марьюшкой в твой-от бел шатёр.
Если ты с ей и легёшь, она ухо́дит тибя!»
Тому слову Потык да не ослышилсэ:
Согласилсэ легци тут ведь в Добрынин шатёр.
Лёг бы Добрыня тут-то с Марьюшкой.
Тут-то Добрынюшка не заспал же.
Накинула тут Марьюшка ле тут палицю буёвую
Ко тому же к Добрынюшки на белу шею,
Хотела бы Добрынюшку решить его до смерти
Да наместо бы Потыка Ивановича.
Добрынюшка Микитич-от не заспал же:
Да скакал бы Добрыня на резвы ноги,
Выхватил тут Марьюш[к]у из бела шатра
(Запасёно у Добрыни было три прутика:
Один-от был прут дак он жалезной же,
Да друг-от был прут да был медной же,

Треть-ёт тут прут да оловянной же!) —
Зачал тут Марьюшку лупить тут ведь.
Да обсек тут он было прут железной же,
Да обсек тут второй дак прут медной же;
Да стал бы лупить прутом оловянным тут.
(Оловянн-от прут — он гнецьсе, да он не ломицьсе!)
Тут-то Марьюшка да воскаялась.
Да тянул бы тут Добрыня ей во бел шатёр —
Уходил тут он ей дак до полусмерти.
Да прошла тут была дак тут темна́я нощь —
Собралисе робятушка да срежалисе,
Собрали они да тут белы шатры.
Да садились тут все да на добрых коней,
Да поехали они дак в стольне Киев-град.
Приежджают они да в красён Киев-град,
Приежджают ко Владимеру ко красну крыльцю —
Да соскакивали они все дак с добрых коней,
Да пошли они дак во светлу грыню.
Да заходят они дак на новы сени,
Да заходят были дак во светлу грыню —
Кре[с]т-от тут клали по-писаному,
Да поклоны вели дак по-учоному:
«Уж ты здрастуй, Владимер да стольне-киевской!» —
«Приходите, удалы да добры молоццы!»
Говорыл-де Добрынюшка таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимер стольне-киевской!
Уж ты що гледишь да ты невесёло —
Закручи[ни]лса ты що-то, запечалилса,
Весишь дак буйну голову?..»
Говорил-де Владимер таково слово:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич же!
Приежджал-де король да ляховиньской же,
Играли мы во карты да с им во шахматы —
Проиграл тут я триццэть тысеч да золотой казны,
Проиграл я пятнаццать руських богатырей!»
Говорыл-де Добрыня таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимер стольне-киевской!
Не кручиньсе-ко ты да не печалуйсе —
Сделай-ко ты свадёбку великую!

Да и пошлём тогда Олёшеньку Поповича
Ко тому к королю да ляховиньскому
Да играть-де во карты было, во шахматы:
Да такого игрока тут на свети нет!»
Тому слову да Владимер да не ослышилсэ —
Сделал он тут свадёбку великую.
Они сделали тут с Марьюшкой они залог великой же:
«Которой тут з нас тут наперёд помрёт —
А которой з нас тут останецсе,
Да тогда тут с мёртвым живком легчи!»
Повеньчал он тут Потыка Ивановича
С той же тут Марьюшкой с Копейщиной.
Отошла бы тут свадьба их весёлая.
Да отправили Олёшеньку Поповича
Ко тому к королю да ляховиньскому
Да играть-де во карты-ти во шахматны.
Да поехал Олёшенька Попович же
Ко тому к королю да к ляховиньскому.
Приежджаёт к королю к ляховиньскому,
Приежджаёт к ёму да ко красну крыльцю —
Привязывал своёго да коня доброго
Да пошол бы Олёша да на красно крыльцо.
Да заходит Олёша да на новы сени,
Заходит Олёшенька во светлу грыню —
Крест-де кладёт да по-писаному,
Да поклоны ведёт да по-уцёному:
«Здрастуй, король дак ляховиньской же!» —
«Приходи-ко, Олёшенька Попович же!
Ты зачем ты пришол ко мне, приехал же?»
Отвечал бы Олёшенька Попович тут:
«Я приехал бы, король, к тебе погостити ведь:
Да охота поиграть с тобой во карточки, во шахматы!»
Говорил где король да таково слово:
«Уж мы седём-ко, Олёша, с тобой на трои суточки,
Станём играть во карты-шахматы.
О каком мы с тобой да об залоги же?
Много ле у тебя дак золотой казны?»
Отвечал бы Олёша таково слово:
«Уж ты ой еси, король дак ляховинской же!

Ты клади-тко, король, да золоту казну на стол ею.
Я стану об залоги тут играть с тобой,
О великом залоги — да о своей главы:
Если ты тут меня да обыграшь же ведь,
Я навечно иду в слуги во верны-ти!»
Тут-то король да зрадовалса же.
Они стали играть во карты-шахматы —
Обыграл бы Олёша короля да ляховинского,
Да не много, не мало — да триццэть тысеч же.
Стали играть они во второй раз —
Отыграл у ёго дак всех руських богатырей опеть.
И стали играть опеть они
О таком же залоги — о триццэти они об тысечих,
Да Олёша тут опять да о своей главы —
Отыграл бы Олёша да триццэть тысеч же.
Тут-то король дак закручинилсэ
Да прогнал тут Олёшу да из застолья вон.
Да ставал бы Олёша да на резвы ноги:
«Да прощай-ко, король да ляховиньской же!
Не сердись на миня, дак ты не гневайсе —
Не своей тут охвотой я приехал же,
Послан тут от князя да от Владимера
Воротить-де назад да золоту казну
Да своих тут руских было богатырей:
Супротив миня, да игрока, дак тут на свете нет!»
Да пошол бы Олёша да из светлой грыни,
Да выходит Олёшенька на улицю,
Брал он своёго да коня доброго
А поехал да в стольне Киёв-град.
Приежджаёт Олёша да в красён Киев-град,
Приежджаёт Олёша ко красну крыльцу —
Да соскакивал Олёшенька с добра коня,
Да пошол бы Олёша да на красно крыльцё.
Да заходит Олёша на новы сени,
А заходит Олёша во светлу грыню —
Крест-от кладёт да по-писаному,
Да поклоны ведёт да по-уцёному:
«Здрастуй-ко, князь да ты Владимер же!» —
«Приходи-ко, Олёшенька Попович же.

С какой же ты с радосью приехал ведь?»
Отвечаёт Олёшенька Попович же:
«Я приехал, Владимер я стольне-киевьской,
Да с великою приехал я тут с радосью:
Отыграл я по первости назад да триццэть тысеч твоих.
Я играл же с им да тут о своей главы,
Клал тут ею, главу, в залоги же:
„Если ты тут миня где обыграшь же ведь —
Я буду тебе тут да навечно слуга!..”
Во-вторы тут играли во карты-шахматы, —
Отыграл я руських сильних богатырей.
Да треть-ёт раз играли о великом залоги опеть —
Всё о своей да буйной головы.
Он положил дак триццэть тысеч же —
Обыграл я у его дак трыццэть тысеч же!
Туг на миня он роспрогневалсэ,
Да прогнал он миня из застóлья вон!»
И вымал из кармана да триццэть тысеч же,
Клал тут Олёша да на дубовой стол;
Из другого вынимал дак триццэть тысеч же,
Клал же и те дак на дубовой стол.
Говорил тут Владимеру таково слово:
«Получай-ко, Владимер, всю да золоту казну».
Тут-то Владимёр да зрадовалса он:
«Да спасибо, Олёшенька Попович же!
Вывёл меня да из печали же:
Мне бы не жалко было дак триццэть тысеч же,
Только жалко было мне руских своих богатырей!»
Его тут жена была волшебница;
Она во то тут время преставилась.
Говорил-де Добрынюшка Микитич же:
«Уж ты ой еси, ты Потык сын Иванович!
Закажи тут-то сделать ты гробницю-ту великую,
Щобы было тут тибе да сижкóм сидеть,
Да сижком-де сидеть да ведь стойком стоеть,
Было щобы где да розмахнутисе!..»
Сделали гробницу тут великую,
Щобы можно тут Потыку сижком сидеть,
Да сижком где сидеть было, стойком стоеть,

Было-де ему да розмахнутисе.
Повалили тут Марьюшку во гробницу же,
Лёг бы тут Потык-от живком с ею́ —
Погребли их тут в матушку сыру землю.
Да лёжали бы они да во сырой земли.
Да когда он тут ехал во синё морё,
Заливал у змеи да час‹т› рокитов кус‹т› —
Да сказала бы она: «Я тут
На нужно тут на времё да прыгожусь тебе!»
Да приходит змея да было лютая
Да ко той же к могилы тут ко Потыковой,
Прокопала она матушку сыру землю,
Пролизала тут гробницу она дубовую —
Заходила бы она тут во гробницу да во дубовую.
Да здохнула она Марьюшки Копейщины,
Да здохнула бы она во ухо правоё —
Тут-то ведь Марьюшка жива стала.
Да ходил-де Добрыня на могилу же,
Да ходил он, Добрыня, да всё ведь слушать же —
Дак услышил: пищит в земли три голоса.
Розрывал-де Добрынюшка да могилу всю,
Роскрывал-де Добрыня с гробници да дубову доску,
Выпущал он, Добрыня, да из гробници вон!
Выходили они дак тут на белой свет.
Да заставил Добрыня тут-то Потыку Ивановичу
Да срубить у ее да буйну голову —
[У] той же Марьюшки Копейщин[ы].
Тому слову тут Потык да не ослышилсэ:
Да махнул он своей да саблей востроей —
Да срубил тут у Марьи да буйну голову!
Да тода бы положили в гробницу да ей в дубовую,
Хоронили тут Марьюшку во один конець.
Тут-то про Марью да нонь славы поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 5 августа 1901 г.: д. Большие Нисогоры <Юромской вол.> — от Мартынова Александра Михайловича, по прозвищу Олёкса Малый (из д. Малые Нисогоры), 68 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.